

Богиня мудрости Минерва увенчивает фронтоном серого здания, в прекрасных пропорциях которого спокойное величие. С высот колоннады на оголённый свёр смотрят статуи античных мыслителей. Посох в руках Минервы поцарапан осколками снаряда. Взрывная волна разколола одну из скульптур.

Это — крупнейшее книгохранилище нашей родины, Государственная Публичная библиотека, плод полуторазекового кропотливого собирательного труда, колыбель многих поколений русской интеллигенции.

Мы — в залах библиотеки, которым, кажется, нет счёта. На столе, возле окна лежат книги, заказанные читателями, но не востребованные по разным причинам. Татьяна Григорьянц бегло просматривает книги. Одна, тоненькая в тёмном переплёте, привлекла её внимание. Страницы зашелестели под проворной рукой. Лицо девушки посветлело и она начала медленно, тихо читать:

«...И горе том, кто нас
блокадой душит!
Ловушки не страшат, засада
не нарушит
Спокойствия бойцов...»

Между страниц был заложен листок заявки. На нём — дата, со времени которой прошло больше месяца. Но девушка, внимательно рассмотрев книгу, берёт её с со-

бой. Таким образом, она сопутствует нашей беседе от начала до конца — эта тоненькая книжка в тёмном переплёте.

В библиотеке, среди опустевших витрин и шкафов рукописного зала, как и раньше, сидит мраморный Нестор. Перо его застыло над холодной страницей летописи. Отчего не может ожить это перо и поведать о том, что происходило рядом и что ещё слишком горячо, чтобы стать историей...

— Мы жили потому, что жил город и мы понимали, что нужны ему, — так говорят библиотекари о самой тяжёлой поре осады.

Библиотека не прекращала своей работы ни на один день. Во время бомбёжек читальный зал перемещался в бомбоубежище. Сюда нередко ночью приходили люди с фронта, заводов, госпиталей. Им нужны были книги, чтобы рассказать бойцам о славной истории русской армии, книги, чтобы строить пушки для обороны города, книги, чтобы лучше лечить людей.

И тогда библиотекари с бумажными факелами, согревая руки своим дыханием, отправлялись к каталогам и полкам.

Центром Публичной библиотеки был огромный, двухцветный читальный зал, в котором почти никогда не было свободных мест. Сейчас здесь холодно, пустынно и в лампах нет света.

Средоточие работы из огромных залов перешло в небольшие боковые комнаты, — их легче отапливать. Новая читальня — в двух комнатах, соединённых открытой дверью. Здесь — обычные выставки книжных новинок, хорошее освещение и всегда тёплая печь. Немногие из читателей знают: для того, чтобы эта печь не остывала, все сотрудники библиотеки, от учёного секретаря до расстановщика книг — один день в неделю трудятся на заготовке дров, пилят их, колят, поднимают на этажи, — в официальном расписании это именуется: «День работы на дворе»

В читальне много посетителей. Врачи, инженеры, историки, студенты. Библиотека была и осталась культурным очагом Ленинграда. Продолжается прерванная работа, начинается новая. Успешно трудятся на благо родины научные кадры библиотеки во главе со старейшим учёным Иваном Афанасьевичем Бычковым.

Все молодые библиотекари — бойцы местного отряда противовоздушной обороны. Они чередуют работу библиотекарей с тяжёлым трудом бойцов. Они дежурят на наблюдательной вышке, идут в разведку на обезлюдившие улицы среди грохота рвущихся снарядов, перевязывают раненых. В тревожные дни, когда город принимает бой, девушки-библиотекари становятся воинами.

Хранитель журнальной литературы Надежда Закаэнова и библиотекарь Тамара Макарова выстояли на вышке не один ураганный обстрел. Татьяна Григорьянц вместе со своими подругами выслеживала враже-

ских ракетчиков. Расстановщица книг Валя Смирнова и библиотекарь Шура Тутанова под свистящим полётом осколков выносили раненых.

Среди читателей всегда находилось несколько врачей, и они, отложив книги, приступали к перевязкам.

Кончался бой, и библиотекари вместе с читателями возвращались к работе...

Немцы ещё у городских ворот. Но через коридор, пробитый в кольце блокады, пришёл в Ленинград уже не один вагон с книгами. В библиотеку осаждённого города каждый день приносят почту — здесь есть письма с иностранными штемпелями и письма, обозначенные номерами полевых станций.

Пишут из Вашингтона — библиотека Конгресса запрашивает по поводу традиционного обмена библиографическими материалами. Калифорнийский университет, Британский музей, Китайский университет, археологическое управление Ливана, Афганская академия наук просят сведений о русских книгах.

В библиотеку пишут офицеры с фронта, инженеры, врачи, учителя — из Москвы, Ярославля, Ташкента, Алма-Ата. Им нужны книги. В библиотеку с утра и до позднего вечера приходят ленинградцы. Им нужны книги. Бланки заявок, в которых неугаваемая пылкость ума, неутомимая жажда познания, разложенные в длинных ящиках, конвертах, между книжных листов.

Заявок множество, и среди них этот маленький листок, заложенный в книгу с тёмным переплётом, мог просто затеряться.

Татьяна Григорьянц передаёт книгу библиотекарю:

— Сохраните её. Может быть, читатель явится.

Нам рассказали простую историю этой невостребованной заявки:

В библиотеку пришёл лейтенант-артиллерист и попросил разыскать книгу, сказав, что зайдёт за нею к вечеру; только пусть непременно найдут, так как ночью он отбывает на позиции.

Книгу нашли. Но лейтенант не смог прийти за нею — он уехал раньше, чем предполагал...

Мы развернули книжку, читатель которой где-то на неведомых путях войны. Страницы с живым шелестом приподнялись. И две строки проникли в сознание, как голос издалека, но странно знакомый голос:

«...О, город светлый мой!
Великолепен ты,
Со шпагой на-голо, среди
разрывов алых...»

На тёмном переплёте мы прочли тиснённое тусклым золотом: «Виктор Гюго. Стихотворения».

1871 год. Коммуна. Париж, осаждённый немцами...

Товарищи библиотекари, сохраните эту книгу. Лейтенант непременно придёт за ней!

Стёкла в раме вздрогнули, зазвенели. Через окно библиотеки было видно, как тяжёлый танк разворачивался на перекрестке. Он ушёл, высекая гусеницами огонь из мостовой. Толпа школьников пробежала с весёлым галдежом. Трамвай с красным сигнальным фонарём, рассыпая звонки, тащил платформу, доверху нагруженную дровами. С песней прошагали девушки в серых комбинезонах; на плечах они несли лопаты, как обычно носят винтовки.